

Субъект и парадоксы его развития

Н.Е. Харламенкова

В процессе теоретического анализа науки, изучения закономерностей ее развития было замечено, что научное понятие первоначально используется без отчетливого обозначения его содержания, и только потом, при осуществлении направленного поиска открывается его смысловая определенность. Однако различия в содержании понятия возникают не только в ходе исторического, но и в процессе логического обоснования проблемы, в частности оно обнаруживается при переходе с одного уровня анализа на другой, например, при переходе с уровня теоретического изучения проблемы на уровень эмпирической проверки гипотез. Кроме того, отмечается разное содержание термина в различных контекстах. Простым примером изменения содержания понятия в зависимости от контекста, в рамках которого оно применяется, является разное толкование знака «минус»: в арифметике он употребляется лишь как знак операции, а в математике отрицательных и положительных чисел обретает новое значение (Грязнов, Стаханов, 1969).

Понятие «субъект» введено в аппарат психологической науки С.Л. Рубинштейном, и вряд ли найдется какое-либо другое понятие, которое вызвало бы столько же споров и разных толкований, как «субъект». Во многом такое положение вещей определяется как историческими, так и логическими причинами. История психологической науки в России во второй половине XX в. была тесно связана с политикой, идеологией и философией диалектического материализма, в связи с чем сущность субъекта могла быть раскрыта не столько со стороны его собственной активности и суверенности, сколько в аспекте взаимной связи субъекта и объекта, т.е. эксплицирована строго в контексте теории познания. Именно в таком ключе раскрывает содержание понятия «субъект» Рубинштейн: «Под “отражением” мы разумеем не столько отражение объекта в субъекте,

при котором образ объекта возникал бы непосредственно в результате механического воздействия объекта, воспроизводимого таким образом в субъекте, сколько отражение объекта субъектом, при котором воздействия объекта преломляются через субъект, опосредствуются его деятельностью. Отражение менее всего означает одностороннее воздействие и пассивное воспроизведение реального в сознании, мысли, в идеальном» (Рубинштейн, 1959, с. 14–15).

В связи с обсуждением проблемы субъекта в психологии закономерным образом возникает вопрос о его развитии, прежде всего вопрос о «началах» субъекта и о его возможных «вершинных» проявлениях. Однако развитие субъекта может рассматриваться не только в контексте движения «от состояния X к состоянию У», но и в ином смысловом поле, в котором вопрос о критериях «рождения», динамики и достижения человеком некоторого высшего состояния — состояния субъекта — приобретает второстепенное значение. Для С.Л. Рубинштейна, который придерживался идеи психического как процесса, проблема «начал» субъекта, по-видимому, не является столь острой, поскольку развитие субъекта рассматривается в контексте отношений с объектом, т.е. в предметном контексте. В этом пространстве отношений объектом познания выступает и Другой человек, и только через познание Другого личность способна познать свое Я, себя как субъекта собственной жизнедеятельности. «Фактически, эмпирически, генетически приоритет принадлежит другому “я” как предпосылке выделения моего собственного “я”» (Рубинштейн, 1997, с. 70).

Познавательное отношение человека к действительности определяет многообразие его проявлений как субъекта такого отношения, поэтому развитие человека как субъекта деятельности и жизнедеятельности может выражаться как в постижении сущности изучаемого объекта, его новых свойств, так и в познании себя, в открытии этического аспекта отношения человека к бытию, в развитии эстетического чувства и т.д.

Не отрицая возможности изучения субъекта, с точки зрения уровней его развития, признавая многообразие такого развития, остановимся на некоторых общих, но вместе с тем специфических именно для субъекта особенностях его динамики. Предметом дальнейшего анализа станет проблема *парадоксов развития субъекта* и их обоснования как его сущностных проявлений.

Размышления над этой проблемой привели нас к достаточно смелому выводу о том, что сама история развития психологии как науки являет собой пример парадоксальности. Ведь если считать парадокс неожиданным, непривычным суждением, которое контрастирует с привычным, общепринятым мнением, то, пожалуй, ни в какой другой науке мы не встречаемся с таким изобилием оригинальных высказываний, которые на фоне ортодоксально-привычного выглядят еще более неожиданными, а также с таким количеством равно хорошо обоснованных, но одновременно противоречивых утверждений. К примеру, попытка как можно более подробно объяснить феномен спонтанности может в лучшем случае привести к потере его смысла, а в худшем — к подмене понятия спонтанности каким-либо другим, хотя и близким по смыслу понятием, например, словом «произвольность». Аналогичным же образом в парадоксальной психотерапии стремление человека действовать в соответствии с приказом «Будь спонтанным» приведет его к аспонтанности, а установка «Не меняться», наоборот, к стремлению стать иным.

Парадоксальные утверждения или дефиниции, с нашей точки зрения, связаны скорее с положительными, нежели с отрицательными эффектами, и возникают там, где исследователь отказывается от линейной модели интерпретации данных, предпочитая ей объемную, многомерную. Парадоксальность не есть противоречие как таковое. Прежде всего она может пониматься как признак допущения разнообразия в исследовательских позициях и далее — как основа для их интеграции, но только в том случае, когда исследователь придерживается идеи процессуальности психического. Вслед за С.Л. Рубинштейном А.В. Брушлинский, во-первых, подчеркивает важность реального взаимодействия субъекта с объектом, а, во-вторых, настаивает на необходимости понимания психического как процесса. Он пишет, что познавая «субъект оперирует объектом, а не самими по себе понятиями, смыслами, значениями, знаниями, информацией и т.д. (но содержание объекта фиксируется в понятиях, смыслах и т.д.). Следовательно, психика — не переработка информации, а важнейший способ непрерывного взаимодействия субъекта с объектом, вообще людей с окружающей действительностью» (Брушлинский, 2003, с. 24–25), а «психическое как процесс (в частности мышление как процесс) — это основной способ существования психики» (там же, с. 25). А.В. Брушлинский

обладал уникальной способностью не только усматривать парадоксальность суждений, но и усиливать ее. Но делал он это, следует предположить, с той единственной целью, чтобы сконструировать новое пространство мысли, в котором эти антиномии могли бы интегрироваться в диалектическом единстве, тем самым создавая возможности для преодоления разного рода дихотомий.

Обсуждая проблему субъекта, мы остановимся на двух парадоксах его развития. В монографии «Психология субъекта» (2003) А.В. Брушлинский указывает на *один такой парадокс* развития субъекта, иллюстрируя его примером из области психологии мышления. Он отмечает, что своеобразная диалектика умственного развития субъекта проявляется в том, что «чем ближе сам индивид подошел к успешному решению задачи, тем, казалось бы, ему меньше нужна помощь извне, но и тем легче ее реализовать; и наоборот, чем дальше он находится от верного решения, тем больше ему необходима помощь со стороны, но тем труднее ему ее использовать» (Брушлинский, 2003, с. 70). Перенося эти наблюдения из области исследований мышления как процесса на особенности развития субъекта на всем пространстве жизни, можно убедиться в правдивости этого высказывания. Согласно Брушлинскому, подобный «*парадокс саморазвития*» объясняется и разрешается благодаря непрерывному взаимодействию *общественного* и *индивидуального* в ходе формирования психики человека, которые не противопоставляются друг другу, не сменяют друг друга последовательно, а существуют в своем постоянном единстве. Понятно, что наиболее сложным моментом в анализе этой проблемы является не столько констатация факта видимой парадоксальности развития, сколько объяснение возможности такого единства, его функционального и структурного своеобразия. При более детальном анализе особенностей этого единства, взаимодействия можно раскрыть разные стороны (границы) проявления субъектности.

На одну из них указывают чаще всего. Она состоит в умении человека как субъекта деятельности быть ответственным за сделанный выбор, принятое решение, полученный результат, в способности делать самостоятельные шаги, используя при этом социальную поддержку («подсказку») только *как некоторый ориентир* в реализации собственных планов. Отрицание необходимой помощи приводит к крайне выраженному негативизму, дистанцированию,

и, соответственно, к неадекватному решению проблемы. Социальные ориентиры задают направление поиска решения поставленной задачи, накладывают некоторые временные и пространственные ограничения, определяют ее своевременность, актуальность, необходимость.

Вторая сторона процесса непрерывного взаимодействия *общественного и индивидуального*, их единства характеризует человека как субъекта жизни совсем с другой стороны, а именно со стороны его социальной компетентности, что иногда неверно трактуется как признак недостаточной субъектности. На самом деле умение обратиться за помощью к другому человеку в самом начале решения какой-либо проблемы является показателем зрелой личности при условии, что тот, к *кому* обращаются за помощью, действительно является компетентным, а тот, *кто* обращается, – достаточно активен в принятии и реализации полученной помощи. Однако и в этом случае действует принцип «внешнее через внутреннее», поскольку предполагается, что выбор социальной поддержки осуществляется не хаотично, а на основе понимания субъектом существа поставленной задачи и вследствие адекватной оценки возможностей выбранного партнера для ее решения.

Умение обратиться с просьбой рассматривается нами как один из показателей утверждения личностью ценности своего Я и предельно ясно маркирует парадоксальность развития субъекта. Последняя обнаруживает себя в том, что помощь, «подсказка» (по С.Л. Рубинштейну), эффективна только в том случае, когда для ее реализации сложились внутренние условия, т.е. возникла определенная готовность субъекта понять и принять социальную поддержку. Однако, обращаясь к ней, субъект не всегда осознает направленность поиска решения проблемы, не «узнает» подсказку, не прогнозирует возможности ее применения. Для снятия подобного парадокса необходимо оптимальное состояние готовности сформулировать запрос именно так, чтобы в нем была указана *искомая проблема*, которая, в свою очередь, задает направление поиска. Иными словами, умение формулировать проблему, как нам представляется, адекватно отражает индивидуальный опыт субъекта в пространстве возможностей социальной поддержки его запроса. Единство общественного и индивидуального, которое проявляется в умении очертить проблему, обнаруживается в самых разных

областях знания, в частности, при формулировке исследователем теоретической гипотезы, которая определяет границы исследования, позволяя использовать адекватный инструментарий для ее верификации/фальсификации, исключая нежелательные побочные влияния. Другим примером является ясное обозначение клиентом проблемы, с которой он пришел к психотерапевту, и ее переформулировка в виде запроса. Обе иллюстрации показывают, что наличие парадокса в развитии субъекта определяет меру соответствия двух крайностей: общественного и индивидуального. Нарушение баланса между ними одновременно устраняет парадокс развития субъекта и делает это развитие односторонним, ограниченным, ригидным. «Конечно, формирование личности осуществляется в процессе усвоения всей человеческой культуры, но такое усвоение не отрицает, а, напротив, предполагает самостоятельную и все более активную деятельность (игровую, учебную, трудовую и т.д.) каждого ребенка, подростка, юноши, взрослого и т.д.» (Брушлинский, 2003, с. 71), равно как индивидуальное развитие каждого из них предполагает опору на культурные образцы, социальные нормы, правила поведения, способы взаимодействия.

Другой парадокс заключен в одном из методологически сложных вопросов психологии — в вопросе о соотношении *природного* и *социального*. Если не вдаваться в особые детали, то в целом он может быть рассмотрен как частный случай проблемы «общественное или индивидуальное», по крайней мере, с точки зрения того, что обе проблемы — общественное/индивидуальное и природное/социальное — имеют единое основание, которым выступает принцип детерминизма. По Рубинштейну, внешнее и внутреннее должны быть определенным образом соотношены друг с другом, а именно так, что внешние причины всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. «С этим пониманием принципа детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов» (Рубинштейн, 1959, с. 117). Только при такой трактовке принципа детерминизма свойства и состояния личности выступают как единая совокупность внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия. Физиологический компонент этих внутренних условий, по мнению С.Л. Рубинштейна, составляют свойства нервной системы.

Иной точки зрения придерживается Л.С. Выготский, согласно которому особенности психического развития ребенка состоят в том, что «законы, господствовавшие в психофизиологии натурального восприятия, не уничтожаются с переходом... к высшим формам, но как бы отступают на задний план, продолжая существовать внутри новых закономерностей в свернутом и подчиненном виде» (Выготский, 1984, с. 38). Подчеркивая главенствующую роль высших психических функций, Выготский не исключал натуральные функции вовсе, но ставил их в зависимость от последних. В связи с этим создавалось впечатление, что вклад природного в полноценную жизнь человека не является столь существенным. Иными словами, чем больше в человеке представлено природное, непосредственное, тем меньше в нем личностного, т.е. сугубо человеческого. Подобная же тенденция была отмечена не только в отечественной, но и в американской психологии. У. Шелдон — один из основателей конституциональной теории темперамента, которая учитывает влияние врожденных факторов, — встретился с серьезным сопротивлением социально ориентированных психологов. Как отмечают К. Холл и Г. Линдсей «побочный продукт американской демократии, протестантская этика, и догма о “делающем себя” человеке отвергает представление о том, что поведение может быть врожденно обусловленным, неизменным, “данным”... Неудивительно, что такая концепция (концепция У. Шелдона. — Н.Х.) не могла получить большой поддержки в лице американской психологии, ориентированной на влияние среды» (Холл, Линдсей, 1997, с. 448). Современные исследования в области методологии, теории и эксперимента убедительно показывают, что способность человека становиться субъектом своей деятельности и жизни состоит в том, что в нем все больше начинают интегрироваться социальные и биологические особенности, учитываться его природное начало как важнейшее человеческое достояние. А.В. Брушлинский писал, что уникальная целостность природного и социального составляет сущность человека и его психики, обнаруживая себя в диалектическом единстве. Чем больше отрицается природное своеобразие, тем более оно дает о себе знать, но уже не в своем здоровом, а в искаженном, болезненном состоянии. И наоборот, чем больше интегрируются природное и социальное, тем более свободным становится человек, учитывая, понимая, принимая и, в конце концов, возможно, компенсируя свои ограничения.

Рассматривая проблему природного и социального в теориях социальной детерминации развития психики, мы не усматриваем в ней никакого парадокса, ведь в этом случае «развитие субъекта» подменяется «развитием личности», которое реализуется посредством различных механизмов социализации, т.е. постепенного присвоения культурных ценностей, традиций, социальных норм и стереотипов, правил и требований, установленных в обществе. Природное и социальное в их парадоксальном сочетании встречается только в том случае, когда они рассматриваются на паритетных основаниях, т.е. когда каждому из них отводится равноправное место в поступательном развитии субъекта. В этом случае парадокс обнаруживается в том, что там, где, казалось бы, требуются социальные навыки, умения и знания, вдруг возникает потребность в проявлении природных (например, темпераментальных свойств). И наоборот, там, где индивид опирается на свои природные возможности, учитывает ограничения, которые создаются особенностями функционирования нервной системы, телесной конституции и пр., появляется необходимость компенсировать эти ограничения развитием мотивационной, интеллектуальной и других сфер психического.

Парадоксальность развития субъекта следует определить как необходимое условие осуществления этой динамики, что само по себе можно рассматривать как определенный парадокс. Но только в таком понимании развития человека как субъекта жизни, когда он готов спонтанно реализовывать разные по своему характеру особенности, представляющие разные уровни индивидуальности, его сущностные проявления становятся наиболее понятными. Тогда парадоксальность развития объясняется как необходимость, создающая особый тип противоречия, свойственный только субъекту, его развитию и качественному преобразованию. Такое противоречие было названо нами *парадоксальным противоречием*. Определяя его содержание, укажем на то, что в противоречии как таковом отражены позиции «да» и «нет», которые в своем единстве и противоположности способствуют раскрытию глубинных свойств объекта, выявлению его структуры и, что наиболее важно, принципов организации этой структуры. Понимание формулы «да и нет в одном и том же смысле и отношении» не столько как абсолютно адекватного выражения объективного противоречия, сколько как

«формулировки проблемных ситуаций познания позволяет все более углубленно познавать объективное диалектическое противоречие» (Философская энциклопедия, 1967, с. 404).

Парадоксальное противоречие обнаруживается при особом познавательном отношении к объекту. Его особенность заключена в том, что объект изучается не только с точки зрения его структурной организации, принципов строения, интеграции/дезинтеграции, т.е. в статике, но и с позиции изменения, развития, т.е. в динамике. Тогда раскрывается сущность развития субъекта, которая проявляется в несовместимом (но только на первый взгляд) сосуществовании противоположных тенденций. Эта несовместимость отмечается в ходе осуществления процесса познания, «между итогами познания и познаваемыми объектами, выступая в виде *парадоксов* и *антиномий*», и играет обычно «эвристическую роль, содействуя раскрытию глубинных противоречий объекта и преодолению так называемых формальнологических противоречий» (Философская энциклопедия, 1967, с. 403). Однако объективно это противоречие отсутствует, оно снимается вследствие работы особых, возможно, скрытых механизмов, которые не всегда «видятся» познающим в познаваемом. Иными словами, видимый парадокс устраняется выявлением используемых в ходе рассуждения допущений и отказом от одного из них либо, наоборот, достраиванием некоторой оппозиции, например, оппозиции природное — социальное введением в нее третьего, промежуточного элемента, соединяющего две противоположности. С нашей точки зрения, такими элементами могут выступать психологические механизмы, одним из которых является компенсация. Понятно, что это далеко не единственный механизм, реализующий связь природное — социальное, однако на его примере можно показать, как эта связь осуществляется.

В серии исследований, проведенных под нашим руководством, удалось обнаружить проявление компенсаторных механизмов в таких жизненных ситуациях, которые являются для человека труднопреодолимыми, т.е. в ситуациях, в которых по разным причинам ощущается дефицит той или иной функции (Харламенкова, 2007). Предметом исследования стала компенсация физических недостатков, в частности, слабости зрительной функции в работе О.В. Кузнецовой (Кузнецова, Харламенкова, 2006), дефицита родительского внимания, вызванного семейной депривацией в работе

А.К. Рубченко (Рубченко, Харламенкова, 2006), дистенезии полового развития разного происхождения в работе А.В. Соловьевой (Соловьева, Харламенкова, 2006). Не останавливаясь подробно на этих результатах, обобщая их, можно сказать, что принятие человеком своих природных особенностей приводит к компенсирующим эффектам, но не всегда, а только в том случае, когда субъект осуществляет интенсивную внутреннюю работу, выражая свои переживания либо в виде осознанного внутреннего конфликта, либо в виде определенного потребностного состояния.

Эта тема была продолжена в совместном с И.А. Киселевой исследовании девушек с хромосомными аномалиями (Харламенкова, Киселева, 2007). Было показано, что в отличие от моментально положительного эффекта, ожидаемого врачами, при заместительной гормональной терапии девушек с синдромом Свайера или девушек с синдромом тестикулярной феминизации, несмотря на то, что снижение уровня эстроген-дефицита приводило к насыщению организма эстрогенами, к феминизации фигуры, к смене гормонального пола, сопутствующего повышению качества жизни не наблюдалось. (Особенности девушек с синдромом Свайера и синдромом тестикулярной феминизации состоят в ХУ-реверсии пола, вызванной хромосомными аномалиями, в дефиците половых стероидных гормонов в первом случае и в их дисбалансе — во втором.) Наоборот, как было показано в исследовании И.А. Киселевой (Киселева, 2006), девушки испытывали серьезный дискомфорт. Они объясняли его появлением в их опыте реакций (к примеру, сензитивности, плаксивости), с которыми они не умели совладать. При отсутствии сопровождающей телесные изменения внутренней работы, вызванные либо лекарственной терапией, травматическими событиями или возрастными факторами, прогнозируемые достижения в области Эго-идентичности не наблюдаются. Тогда как самоисследование, оценка своих состояний и принятие их через глубокое, часто конфликтное переживание создает прочную основу для личностного роста, а возможно, и для повышения качества жизни. Опыт показывает, что при самых разных телесных дефектах (или при их изменении) адекватность поведения субъекта обнаруживает себя не в фиксации на них, или в их отрицании, а в принятии, присвоении, в интеграции травмы (Н.В. Тарабрина) и, как следствие, в способности понимать свои ограничения, тем самым обнаруживая новые

возможности, открывая для себя новые перспективы, а нередко и компенсируя правильно символизируемые недостатки.

Мы остановились только на одном возможном контексте исследования субъекта, который предполагает субъект-объектное отношение в его развернутом процессуальном взаимодействии, не акцентирующем проблему «рождения» и «взросления» субъекта (Брушлинский, 2002). Именно в этом контексте явление кажущейся парадоксальности развития субъекта возникает со всей очевидностью. Парадоксальность действительно является кажущейся, поскольку, как отмечалось выше, системный, интегральный характер развития субъекта сложно уловить во всей многогранности его проявлений в ходе гносеологического анализа, в связи с чем его «плоскостное» видение создает иллюзию парадокса. Однако употребление понятия «парадокс» вполне уместно, поскольку оно обозначает особый статус субъекта и его развития по сравнению со специфичностью индивидуального и личностного развития. Это своеобразие проявляется в расширении возможностей человека посредством реализации не одного-двух, а одновременно нескольких равноуровневых ресурсов, интеграция которых сама по себе способна создавать новые реальности и новые стратегии взаимодействия, а также в том, что инициатором разрешения парадокса является сам субъект, который обязан сделать свой выбор, предпочесть одно решение другому. Из этого следует, что умение *создавать парадоксальную ситуацию* и делать в ней *выбор* и является сущностной характеристикой субъекта.

Парадоксальность развития субъекта, представленная дихотомиями общественное/индивидуальное и природное/социальное вполне естественна, так как определяется, по мнению Андрея Владимировича Брушлинского, онтологическим исходным основанием науки, объектом анализа которой является человек, изучаемый в системе бесконечно многообразных противоречивых качеств. При этом способность человека разрешать эти противоречия, интегрировать противоположности является мерой его субъектности, т.е. того, насколько он выступает «творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути, дела делателем» (Брушлинский, 2003, с. 49).

Литература

- Брушлинский А.В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 9–33.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. М.: Изд-во ИП РАН, 2003.
- Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1984. Т. 6.
- Грязнов Б.С., Стаханов И.П.* К логическому анализу некоторых терминов науки // Очерки истории и теории развития науки / Под ред. В.С. Библера, Б.С. Грязнова, С.Р. Микулинского. М.: Наука, 1969. С. 377–389.
- Киселева И.А.* Оптимизация тактики ведения больных с ХУ-реверсией пола: Дис. ... канд. мед. наук. РАМН, НЦАГиП. М., 2006.
- Кузнецова О.В., Харламенкова Н.Е.* Компенсаторные способы реакции на фрустрацию у людей с физическими недостатками // Научный поиск: Сб. научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А.В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 167–176.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубченко А.К., Харламенкова Н.Е.* Значимость влияния отца на отношение ребенка к себе в процессе взросления // Научный поиск: Сб. научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А.В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 234–241.
- Соловьева А.В., Харламенкова Н.Е.* Уровень психического напряжения и типы защит в норме и при аномалиях развития // Научный поиск: Сб. научных работ студентов, аспирантов и преподавателей / Под ред. проф. А.В. Карпова. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 284–292.
- Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4.
- Харламенкова Н.Е., Киселева И.А.* Тестикулярная феминизация как медицинский и психологический феномен // Актуальные вопросы теоретической и клинической психоэндокринологии: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Краснова, Л.Н. Горобец. М.: Московский НИИ психиатрии Росздрава, 2007. С. 150–166.
- Харламенкова Н.Е.* Самоутверждение подростка. 2-е изд. М.: Изд-во ИП РАН, 2007.
- Холл К., Линдсей Г.* Теории личности. М.: “КСП+”, 1997.